

М. А. Горький

ЖИЗНЬ НЕНУЖНОГО ЧЕЛОВЕКА

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г71

Г71 **Горький М.**
жизнь ненужного человека / М. А. Горький – М.: Книга по Требованию, 2021. –
270 с.

ISBN 978-5-517-99040-2

ISBN 978-5-517-99040-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Когда Евсѣю Климову было четыре года — отца его застрѣлили полѣсовщикъ, а когда ему минуло семь лѣтъ — умерла мать. Она умерла вдругъ, въ полѣ, во время жатвы, и это было такъ странно, что Евсѣй даже не испугался, когда увидалъ ее мертвой.

Дядя Петръ, кузнецъ, положивъ руку на голову мальчика, сказалъ :

— Чего будемъ дѣлать?

Евсѣй покосился въ уголь, гдѣ на лавкѣ лежала мать и тихонько отвѣтилъ :

— Я не знаю...

Кузнецъ вытеръ рукавомъ рубахи потъ съ лица, долго молчалъ, а потомъ тихонько оттолкнулъ племянника.

— Жить у меня будешь. Въ училище что-ли отдать тебя, чтобы не мѣшалъ ты? Эхъ, старичекъ...

Съ того дня мальчика стали звать Старикомъ. Это шло къ нему: ростомъ онъ былъ не по годамъ малъ, двигался вяло, говорилъ тонкимъ голосомъ. На его костлявомъ лицѣ уныло торчалъ маленькій птичій носъ, пугливо мигали круглые, безцвѣтные глаза, рѣдкіе желтые волосы росли вихрами; въ немъ было что-то хилое, сморщенное. Ребятишки въ школѣ смѣялись надъ нимъ и колотили его — скучный старческий видъ и совиное лицо почему-то раздражали наиболѣе здоровыхъ и бойкихъ дѣтей. Онъ сторонился отъ нихъ и жилъ молча, одиноко, всегда гдѣ-то въ тѣни, въ уголкахъ и ямкахъ. Круглыми глазами, не мигая, онъ смотрѣлъ отсюда на людей, незамѣтный, опасливо съживившійся. Когда-же глаза уставали, онъ закрывалъ ихъ и долго сидѣлъ слѣпой, тихонько раскачивая худое, легкое тѣло. Онъ старался также незамѣтно

держаться и въ семьѣ дяди, но здѣсь это было трудно — приходилось обѣдать и ужинать вмѣстѣ со всѣми, а когда онъ сидѣлъ за столомъ, младшій сынъ дяди, Яковъ, толстый и румяный, всячески старался задѣть или размѣшить его, дѣлать гримасы, показывалъ языкъ, толкалъ подъ столомъ ногами и щипалъ. Размѣшить не удавалось, но часто Евсѣй вздрагивалъ отъ боли, его желтое лицо сѣрѣло, глаза широко раскрылись и ложка въ рукѣ его дрожала.

— Ты чего, Старичекъ? — спрашивалъ дядя Петръ.

— Это меня Яшка... — безъ жалобы, ровнымъ голосомъ объяснялъ мальчикъ.

Если дядя Петръ давалъ Яшкѣ подзатыльника или дергалъ его за волосы, тетка Агафья, оттопыривъ губы, сердито гудѣла:

— У-у, ябедникъ...

А потомъ Яшка находилъ его гдѣ-нибудь и долго, усердно билъ по спинѣ, по бокамъ, по животу. Евсѣй относился къ побоямъ, какъ къ неизбежному, жаловаться на Яшку было невыгодно, потому что, если дядя Петръ билъ сына, тетка Агафья съ лихвой возмѣщала эти побои на племянникѣ, а она дралась больнѣе Яшки. Поэтому, когда Евсѣй видѣлъ, что Яшка идетъ драться, онъ бѣжалъ отъ него, но тотъ всегда догонялъ. Тогда Старикъ бросался на землю, крѣпко, какъ могъ, сжималъ свое тѣло въ комъ, подгибая колѣни къ животу, закрывалъ лицо и голову руками и молча отдавалъ бока и спину подъ кулаки брата. И всегда, чѣмъ терпѣливѣе выносили онъ побои, тѣмъ болѣе распалялся Яшка, порою онъ даже плакалъ и, пиная ногами тѣло брата, самъ кричалъ:

— Мокрица окаянная... реви!

Какъ-то разъ Евсѣй нашелъ подкову и подарилъ ее Яшкѣ, потому что тотъ все равно отнял-бы находку. Смягченный подаркомъ, Яшка спросилъ его:

— Больно я тебя давеча побилъ?

— Больно! — отвѣтилъ Евсѣй.

Яшка подумалъ, почесалъ голову и смущенно сказалъ:

— Ну ужъ ничего... пройдетъ...

Онъ ушелъ, а его слово что-то задѣло въ душѣ Евсѣя и онъ повторилъ вполголоса и съ надеждой:

— Пройдетъ...

Однажды онъ видѣлъ, какъ бабы богомолки растирали усталыя ноги крапивой, онъ тоже попробовалъ потереть ею избитые Яшкой бока, ему показалось, что крапива сильно уменьшаетъ боль, и съ той поры послѣ побоевъ онъ основательно прижигалъ ушибленные мѣста пушистыми листьями злого, никѣмъ нелюбимаго растенія.

Учился онъ плохо, потому что въ школу приходилъ насыщенный опасеніями побоевъ, уходилъ изъ нея полный обидъ. Его страхъ быть обиженнымъ всегда былъ ясенъ и вызывалъ у всѣхъ неодолимое желаніе надавать Старикку тумаконъ.

У Евсѣя оказался альтъ, и учитель взялъ его въ церковный хоръ. Дома пришлось бывать меньше, но за то онъ чаще встрѣчался съ товарищами по школѣ на спѣвкахъ, а всѣ они дрались не хуже Яшки. Старая деревянная церковь понравилась ему, въ ней было множество темныхъ уголковъ, и его всегда жутко тянуло заглянуть въ ихъ уютную, теплую тишину. Онъ тайкомъ ждалъ, что въ одномъ изъ нихъ найдетъ что-то необычное, хорошее, оно обниметъ его, ласково прижметъ къ себѣ и расскажетъ нѣчто, какъ, бывало, дѣлала его мать. Иконы были черныя отъ долголѣтней копоти, осѣвшей на нихъ, и всѣ святыя лики, добрые и строгіе, одинаково напоминали бородатое, темное лицо дяди Петра.

А въ притворѣ церкви была картина, изображавшая, какъ святой поймалъ чорта и бьетъ его. Святой былъ темный, высокій, жилистый, съ длинными руками, а чортъ — красненькій, худощавый недоросточекъ, похожій на козленка. Сначала Евсѣй не смотрѣлъ на чорта, ему даже хотѣлось незамѣтно плюнуть на него, а потомъ стало жалко несчастнаго чертенка п, когда вокругъ никого не было, онъ тихонько гладилъ рукою искаженную страхомъ и болью козлиную мордочку нечистаго.

Такъ впервые родилось у мальчика чувство жалости. Правилась ему церковь еще и тѣмъ, что въ ней всѣ люди, даже извѣстные крикуны и буяны, вели себя тихо и покорно

Громкій говоръ пугаль Евсѣя, отъ возбужденныхъ лицъ и криковъ онъ бѣгалъ и прятался, потому что однажды, въ базарный день, видѣлъ, какъ мужики сначала говорили громко, потомъ начали кричать и толкать другъ друга, а потомъ кто то схватилъ коль, взмахнулъ имъ, ударилъ. Тогда раздался страшный вой, визгъ, многіе бросились бѣжать, сбили Старика съ ногъ и онъ упалъ лицомъ въ лужу, а когда вскочилъ, то увидалъ, что къ нему идетъ, махая руками, огромный мужикъ и на мѣстѣ лица у него — ослѣпительно красное, дрожащее пятно. Это было такъ страшно, что Евсѣй взвизгнулъ и вдругъ точно провалился въ черную яму. Нужно было опрыскивать его водой, чтобы онъ пришелъ въ себя.

Пьяныхъ онъ тоже боялся — мать говорила ему, что въ пьянаго человѣка вселяется бѣсъ. Старику казалось, что этотъ бѣсъ — колючій, какъ ежъ и мокрый, точно лягушка, рыжій, съ зелеными глазами. Онъ залѣзаетъ въ животъ у человѣка, егозитъ тамъ — оттого человѣкъ и бѣсится.

Было въ церкви еще много хорошаго. Кромѣ мира, тишины и ласковаго сумрака, Евсѣю нравилось пѣніе. Когда онъ пѣлъ не по нотамъ, то крѣпко закрывалъ глаза и, сливая свой свѣтлый, жалобный голосъ съ общей волной голосовъ такъ, чтобы его не было слышно, приятно пряталъ куда-то всего себя, точно сладко засыпалъ. II въ этомъ полусонномъ состояніи ему всегда казалось, что онъ уплываетъ изъ жизни, приближается къ другой, ласковой и мирной.

У него родилась мечта, которую онъ однажды высказалъ дядѣ такими словами:

— А можно такъ жить, чтобы и ходить вездѣ, и все видѣть, только чтобы меня никто не видалъ?

— Невидимкой? — спросилъ кузнецъ. II, подумавъ, отвѣтилъ:

— Надо полагать — нельзя этого.

Потомъ повернулъ къ племяннику черное лицо и серьезно добавилъ:

— Такъ-то, конечно, хорошо-бы, спрота...

Съ той поры, какъ все село стало звать Евсѣя Старп-

комъ, дядя Петръ называлъ его сиротой. Во всемъ человѣкъ особенный, кузнецъ и пьяный былъ не страшень, онъ просто снималъ съ головы шапку, ходилъ по улицѣ, размахивая ею высокимъ заунывнымъ голосомъ пѣлъ пѣсни, улыбался, качалъ головой, а слезы текли изъ его глазъ обильнѣе, чѣмъ у трезваго. Евсѣю казалось, что его дядя самый умный и добрый мужикъ въ селѣ и съ нимъ можно говорить обо всемъ — часто улыбаясь, онъ почти никогда не смѣялся, говорилъ-же не торопясь, тихо и серьезно. Иногда въ кузницѣ онъ говорилъ какъ-бы самъ для себя, не замѣчая племянника или забывъ о немъ — это особенно правилось Евсѣю. Въ рѣчахъ своихъ онъ всегда спорилъ съ кѣмъ-то, кого-то увѣщевалъ:

— Окаянная, — не сердяся и негромко ворчалъ онъ, — ненасытная ты собачья пасть... Али я не работаю? Вотъ... глаза себѣ высушилъ, ослѣпну скоро... чего еще надо? Распроклятая ты жизнь-судьба тяжелая... ни красы, ни радости...

Было похоже, какъ будто крѣстный складывалъ пѣсни, и Евсѣю казалось, что кузнецъ видитъ того, съ кѣмъ говорить...

Однажды онъ спросилъ:

— Ты съ кѣмъ говоришь?

— Говорю съ кѣмъ? — повторилъ кузнецъ, не взглянувъ на него, потомъ, усмѣхнувшись, отвѣтилъ:

— Съ глупостью со своей говорю...

Но бесѣдовать съ крѣстнымъ удавалось рѣдко, въ кузницѣ всегда былъ кто-нибудь посторонній и часто вертѣлся круглый точно кубарь Яшка, заглушая удары молотка и трескъ углей въ горнѣ звонкимъ крикомъ, — при немъ Евсѣй не смѣлъ заглядывать къ дядѣ.

Кузница стояла на краю неглубокаго оврага и на днѣ его, въ кустахъ ивняка, Евсѣй проводилъ все свободное время весной, лѣтомъ и осенью. Въ оврагѣ тоже было мирно, какъ въ церкви, щебетали птицы, гудѣли пчелы и шмели, дрожала въ воздухѣ хорошая, тихая пѣсня. Мальчикъ сидѣлъ тамъ покачиваясь и думалъ о чемъ-то, крѣпко закрывъ глаза или бродилъ въ кустахъ, прислушиваясь къ шуму въ кузницѣ и

когда чувствовалъ, что дядя одинъ тамъ, вылъзаль къ нему.

— Что, сирота? — встрѣчалъ его кузнецъ, внимательно прищуривая маленькіе влажные глаза, смоченные слезами.

Однажды Евсѣй спросилъ кузнеца:

— Нечистая сила ночью въ церкви бываетъ?

Подумавъ, кузнецъ отвѣтилъ:

— Чего ей не бывать? Она вездѣ пролезетъ, это ей легко...

Мальчикъ приподнялъ плечи и круглыми глазами пыгливо ощущалъ темные углы кузницы.

— Ты ихъ не бойся, бѣсовъ-то! — посовѣтоваль дядя. Евсѣй вздохнулъ и тихо отвѣтилъ:

— Я не боюсь...

— Они тебѣ не вредны! — увѣренно объяснилъ кузнецъ, отирая глаза черными пальцами. Тогда Евсѣй спросилъ:

— А какъ-же Богъ?

— А что Онъ?

— Зачѣмъ Богъ чертей въ церковь пускаетъ?

— Ему что? Богъ церквамъ не сторожь...

— Онъ тамъ не живетъ?

— Богъ-то? На что Ему! Ему, сирота, вездѣ мѣсто.

Церковь — это для людей...

— А люди для чего?

— А люди — они, стало быть... вообще... для всего...

Безъ людей не обойдешься... н-да...

— Они — для Бога?

Кузнецъ искоса посмотрѣлъ на племянника и не сразу отвѣтилъ.

— Конечно...

Потомъ потеръ руки о передникъ и, глядя въ огонь горна, заговорилъ:

— Я этихъ дѣловъ не знаю, сирота... Ты-бы учителя спросилъ... а то — попа...

Евсѣй вытеръ носъ рукавомъ рубахи и отвѣтилъ:

— Я боюсь ихъ...

— Лучше-бы тебѣ не говорить про такое! — серьезно посовѣтовалъ дядя Петръ. — Малъ ты. Ты гуляй себѣ, здоровья нагуливай... Жить надо здоровому, если не силенъ, работать не можешь — тутъ совсѣмъ нельзя жить. Вотъ те и вся премудрость... для насъ. А чего Богу нужно — намъ неизвѣстно.

Замолчавъ, онъ подумалъ, не отрывая глазъ отъ огня, потомъ продолжалъ, серьезно и отрывисто:

— Съ одного краю — ничего не знаю, съ другого — не понимаю... Вся премудростью сотворилъ еси, говорится... Однако, видно — чья свѣча передъ Богомъ толще, у того душа и волчья...

Онъ оглянулъ кузницу и, замѣтивъ въ углу мальчика, сказалъ:

— Чего жмешься? Говорю — иди, гуляй...

А когда Евсѣй робко пошелъ вонъ, кузнецъ прибавилъ вслѣдъ ему:

— Искра попадетъ въ глазъ тебѣ... и будешь кривой. Кому кривого надо?

При жизни мать рассказала Евсѣю нѣсколько сказокъ. Рассказывала она ихъ зимними ночами, когда метель, толкая избу въ стѣны, бѣгала по крышѣ, все ошупывала, какъ будто тоскуя искала чего-то, залѣзала въ трубу и плачевно выла тамъ на разные голоса. Мать говорила сказки тихимъ соннымъ голосомъ, онъ у нея рвался, путался, часто она повторяла много разъ одно и то же слово — мальчику казалось, что все, о чемъ она говоритъ, она видитъ во тьмѣ, только неясно видеть.

Бесѣды дяди Петра напоминали Евсѣю материны сказки, кузнецъ тоже, должно быть, видѣлъ въ огнѣ горна и чертей, и Бога, и всю страшную человѣческую жизнь, оттого онъ и плакалъ постоянно. Евсѣй слушалъ его рѣчи, легко запоминалъ ихъ, онѣ одѣвали его сердце въ жуткій трепетъ ожиданія, и въ немъ незамѣтно сложилась надежда, что однажды онъ увидитъ нѣчто особенное, непохожее на жизнь въ селѣ, на

пьяныхъ мужиковъ, злыхъ бабъ, крикливыхъ ребятишекъ, нѣчто совсѣмъ иное — безъ шума, злобы и дракъ, ласковое и серьезное, точно церковная служба.

У сосѣдей кузнеца была слѣпая дѣвочка Таня. Евсѣй подружился съ нею, водилъ ее гулять по селу, бережно помогаль ей спускаться въ оврагъ и тихимъ голосомъ разсказываль о чемъ-то, пугливо расширяя свои водянистые глаза. Эта дружба была замѣчена въ селѣ и всѣмъ понравилась, но однажды мать слѣпой пришла къ дядѣ Петру съ жалобой. Она заявила, что Евсѣй напугаль Таню своими разговорами, теперь дѣвочка не можетъ оставаться одна, плачетъ, спать стала плохо, во снѣ мечется, вскакиваетъ и кричить.

— Что онъ ей наговорилъ — понять нельзя, но только она все о бѣсахъ лепечеть и что небо черное, въ дыряхъ, а сквозь дырья огонь видно, бѣсы въ немъ кувыркаются, дразнятъ людей... Что это такое? Развѣ можно этакое младенчику разсказывать?

— Поди сюда! — позваль дядя Петръ племянника.

И когда Евсѣй тихо подошелъ изъ угла, онъ, положивъ ему на голову тяжелую, жесткую руку, спросилъ:

— Говорилъ ты это?

— Говорилъ.

— Зачѣмъ?

— Не знаю...

Кузнецъ, не снимая руки, оттолкнулъ голову мальчика и, глядя ему въ глаза, серьезно сказалъ:

— Развѣ небо черное?

Евсѣй тихонько пробормоталь:

— А какое-же, если она не видитъ...

— Кто?

— Танька...

— Да! — сказалъ кузнецъ и, подумавъ, спросилъ: — А огонь черный? Это ты зачѣмъ выдумаль?

Мальчикъ молчалъ, опустивъ глаза.

— Ну, говори... чай не бьютъ тебя! Зачѣмъ ты ей этакое болтаешь, ну?

— Мнѣ ее жаль... — шопотомъ отвѣтилъ Евсѣй.

Кузнецъ легонько отодвинулъ его въ сторону и сказалъ:

— Больше съ ней разговаривать не моги, слышалъ? Никогда. Ты, тетка Прасковья, будь покойна... Дружбу эту мы нарушимъ.

— Трепку-бы дать ему! — посовѣтовала мать слѣпой. — Дѣвочка жила тихо, никому не мѣшала, а теперь отойти отъ нея нельзя...

Когда Прасковья ушла, кузнецъ молча взялъ Евсѣя за руку, вывелъ его на дворъ и тамъ спросилъ:

— Говори теперь толкомъ — зачѣмъ ты пугалъ дѣвчонку?

Голосъ дяди звучалъ негромко, но строго. Евсѣй струсилъ и быстро, заикаясь, сталъ оправдываться.

— Я не пугалъ... я только такъ... она все жалуется... я, говорить, только черное вижу... а ты — все... Я и сталъ говорить ей, что все черное... чтобы она не завидовала... я вовсе не пугалъ...

Онъ всхлипнулъ, чувствуя себя обиженнымъ. Дядя Петръ тихо засмѣялся.

— Дуракъ! Ты-бы подумалъ — вѣдь она всего три года, какъ ослѣпла... вѣдь не слѣпой она родилась... послѣ оспы это у нея. Значить, помнить она, что какъ свѣтить... Экій ты глушій!

— Я не глушій... она мнѣ повѣрила! — возразилъ Евсѣй, вытирая глаза.

— Ну, ладно. Только ты не водись съ ней... Слышишь?

— Не буду я...

— А что плачешь — это ничего! Пусть думаютъ, будто я тебя побилъ.

Кузнецъ толкнулъ Евсѣя въ плечо и, усмѣхаясь, добавилъ?

— Жулики мы съ тобой...

Тогда мальчуганъ ткнулъ головой въ бокъ ему, спрашивая дрожащимъ голосомъ:

— За что меня всѣ обижаютъ?

— Не знаю, спрота! — отвѣтилъ дядя, подумавъ.

А обиды стали приносить мальчику ѣдкое удовольствіе. въ немъ туманно назрѣвало убѣжденіе, что онъ не такой, какъ всѣ, потому его и обижаютъ. Онъ видѣлъ, что всѣ люди были злы, они устали отъ злости, жили обманывая другъ друга, пьянствовали, дрались, обижали другъ друга тяжелыми обидами, каждый добивался власти надъ другимъ, а надъ собой быть не властенъ, не видно было человѣка, который не боялся-бы чего-нибудь, вся жизнь была насыщена страхомъ, и онъ разъединялъ людей.

Село стояло на пригоркѣ. За рѣкою тянулось топкое болото. Лѣтомъ, послѣ жаркихъ дней, съ топей поднимался лиловатый душный туманъ, а вдали, изъ-за мелкаго лѣса, всходила на небо злая, красная луна. Огромная, круглая, она смотрѣла сквозь туманъ, какъ тусклое зловѣщее око, болото дышало на село гнилымъ дыханіемъ, посылало на людей тучи комаровъ, воздухъ нылъ, плакалъ отъ ихъ жадной суеты и тоскливаго пѣнія, люди до крови чесались, сердитые и жалкіе.

Евсѣю казалось, что луна молча сулитъ ему всякія бѣды и страхи, онъ боялся ея красновато грязнаго лица и, увидѣвъ его надъ болотомъ, прятался гдѣ-нибудь, а ночью его мучили тяжелые сны.

Ночами по болоту плутали синіе дрожащія огни, говорилось, что это безпріютныя души грѣшниковъ; люди сокрушенно вздыхали, жалѣя о нихъ, но другъ друга не жалѣли.

Но они могли жить иначе, дружно и весело, — Евсѣй однажды видѣлъ это.

У богатаго мужика Веретенникова загорѣлся ночью овинъ; мальчикъ выбѣжалъ на огородъ, влѣзъ на ветлу и съ нея смотрѣлъ на пожаръ.

Казалось ему, что въ небѣ извивается многокрылое гибкое тѣло страшной, дымно-черной птицы съ огненной пастью. Наклонивъ красную сверкающую голову къ землѣ, птица жадно рветъ солому огненными острыми зубами, грызетъ дерево, лижетъ его сотнями желтыхъ языковъ. Ея дымное тѣло, играя, вьется въ черномъ небѣ, падаетъ на село, ползетъ